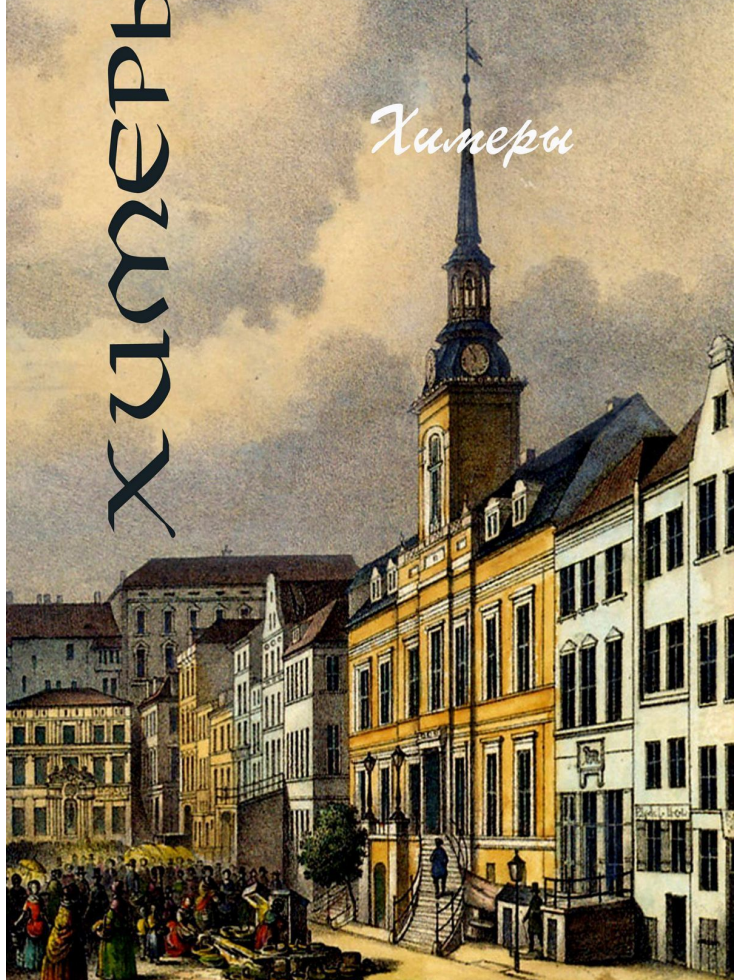

ХИМЕРЫ

Вадим Храппа

Химеры

Вадим Вилюрович Храппа
Химеры
Серия «Химеры», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=52190865

Химеры:

Аннотация

Невероятная смесь детектива, мистики и депрессивной антиутопии, основанной на реальных событиях с реальными людьми в качестве персонажей этого странного представления – в трилогии «Химеры».

Третья часть: «Химеры» – антиутопическая фантастика на фоне глобальной катастрофы.

Содержание

1	4
2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Вадим Храппа

Химеры

1

Баттура смотрел на, заголившиеся из-под юбки, крепкие загорелые бритые ляжки девицы, читавшей в микрофон пробный текст, и изо всех сил старался скрыть ненависть к ней.

Девушка, удивлялась микрофону, но была резва.

Кроме того, что в самых простых словах она делала удадения, как десятки поколений ее предков – украинских золотарей, была еще и шепелявой.

Баттура, кряхтя, встал. Потер поясицу и подошел к окну.

За окном футболисты в черно-белой, под цвета прусского флага, форме гоняли несколько мячей.

«Интересно, кто придумал это идиотское слово «кастинг»? – подумал Баттура. – Кастинг... Костинг... Очень подходит для названия пляски скелетов».

Девица, наконец, заткнулась.

Баттура сел к компьютеру.

– Как Вас зовут? И – номер телефона...

Она сказала.

Баттура сделал вид, что записал.

– Мы позвоним...

– Тут у меня еще есть «резюме».

– Да, оставьте, я посмотрю.

Она ушла. Баттура выбросил в мусорное ведро ее «резюме», и удалил из компьютера файл с записью голоса. Потом набрал на телефоне три цифры.

– Лена, там еще есть кто-нибудь?

– Да. Только запомни: я тут ни при чем.

– Не надо оправдываться. Когда найдете здесь мой холодный труп, тогда и будете разбираться, кто в этом виноват? Давай следующего.

Пришел негр, который из всего богатства русского языка выбрал два десятка слов для экстренного общения в трамвае.

Баттура оставил его издеваться над микрофоном и вышел в приемную.

Лена едва сдерживалась, чтобы не засмеяться.

– Кто его сюда пустил? – спросил Баттура у нее.

Она все-таки рассмеялась.

– Вы что, совсем охренели? – заорал Баттура. – Вы бы еще зайца с барабаном притащили!

– Да иди ты к черту! – сказала, покраснев, Лена. – Сами объявили на всю страну, что набираете ведущих эфира, сами и расхлебывайте.

– Лена, я понимаю рост и ноги – это важно. Но тебя же не для того сюда посадили, чтобы ты размахивала своими

кроличьими ножками.

– А для чего?

– Чтобы ты не пропускала в контору придурков! Это для тебя новость?

Лена выпятила губы, как для поцелуя, похлопала ими и прибавила звук у радио.

«... если Вы хотите, чтобы Вас услышали сотни тысяч поклонников радио «Ульмигания», звоните...»

Лена провела мизинцем по губам.

Баттура выругался, вернулся в студию к негру, сделал вид, что записал его невнятное бормотание и фамилию – Мгонго Нагонго Черезперемонго – и телефон, и, выпроводив его, вышел из студии.

– Все, – сказал он Лене. – У меня крыша едет. Я пошел куда-нибудь.

– Вернешься?

– Не знаю. Звони, если что-то срочное.

У лифта его нагнал Паша.

– Ты куда?

– За пирожками.

– Я – с тобой.

– А ты сиди в эфирке. Зараза! Читай сводку погоды и курс валюты на завтра.

– Я уже все прочел. У меня смена кончилась.

Баттура посмотрел на часы.

– Два, – сказал, упреждая, Паша. – А у нас еще – ни в

одном глазу.

Конспиративная привычка подменять в разговоре пиво «пирожками» появилась у них еще при первом директоре, который, надеясь дисциплинировать свору музыкантов, актеров и литераторов, собравшихся на радио, ввел в конторе сухой закон. Тогда народ перестал ходить за пивом и начал бегать за «пирожками». Того директора давно уже не было, а слово пережило диктатора.

Теперь не нужно было ходить за квартал от места работы – в дешевый бар «Три медведя», можно было устроиться прямо под носом у начальства на первом этаже того же здания, но привычка пользоваться кондитерскими терминами осталась.

В баре из разливного подавали только нефилтрованное «альтштадтское». Баттура не любил его кисловатый вкус, но тащиться куда-то было лень.

– И кальмарчиков возьми, – промурлыкал сзади Паша.

– Я не хочу, – сказал Баттура.

– Не ешь. Я сам помучаюсь.

Баттура взял ему вяленые кальмары.

– У тебя в Альбертине остались какие-то связи? – спросил Паша, когда они с кружками расположились за угловым столиком.

– Какие-то остались. Тебе для чего?

– Племянник сейчас школу закачивает. Надо куда-то пристраивать.

– Обязательно – в университет?

– Не обязательно. Но куда-то же надо.

– Устрой на радио. Пусть приходит на кастинг.

– Да иди ты! Лучше скажи: сможешь помочь?

– Вряд ли. Может, кто-то там и помогает таким, как твой барбос племянник, но я их не знаю. А те, кого я считаю друзьями, за красивые глаза и меня не взяли бы. А тут – ты, со своим барбосом племянником.

– С чего ты взял, что он – барбос?

– По тебе сужу.

– Баттура! Я сейчас нечаянно пролью пиво на твои белые штаны.

– Не прольешь. Ты за кружку пива повесишься.

– Если ты и дальше будешь вести себя вызывающе, то я пересяду за другой столик. И тебе придется давиться пивом в одиночестве.

– Пошел ты...

– Как кастинг? Нашли что-нибудь? Или нам придется и дальше пахать вчетвером?

– Есть девица. Надо будет ее с пристрастием отслушать. Остальное – дрова. Паша, скажи: за каким хреном вся эта публика лезет в эфир? Чего им всем надо? Я – по необходимости. А этих – хлебом не корми... Зарплата им не нужна, дай в эфир залезть. Зачем?

– Драйв.

– Чего?

Паша грустно смотрел на дно пустой кружки.

– Не знаю. Драйв. Адреналин и прочее... Ты же сам выходишь в эфир, что я тебе объясняю?

– Нет у меня при этом ни адреналина, ни драйва.

– Да. Твой адреналин только на девочек поднимается.

Баттура хотел еще что-нибудь ответить, но в кармане его рубашки затрясся телефон.

– Да, – ответил он Ольге.

– А ты, – говорила она вкрадчиво. – Куда это уже смылся?

Надолго?

– Да, пока здесь, внизу.

– Пиво пьешь?

– Нет, пузыри им пускаю.

– Ты анонс на «Экслибрис» сделал?

– Забыл... Черт! Забыл!

– А про то, что мы решили с понедельника запустить новую игрушку, ты помнишь?

– Черт! – сказал Баттура.

Прописать схему новой игры он тоже забыл.

– У меня от этих смотрин уже явные признаки склероза.

– Баттура, – в голосе Ольги проявился жестяной призывок. – У тебя признаки не склероза, а цирроза. Ты у меня дождешься... Я напишу официальное письмо в этот ваш паршивый бар, и тебе больше ничего не дадут!

Она отключилась.

– Ольга? – спросил Паша.

Баттура кивнул.

– А у меня смена кончилась! – весело сказал Паша.

– Что? – глуповато спросил Баттура, набирая номер на телефоне.

– Сережа, – сказал он, когда трубка ответила. – Мы забыли сделать анонс для «Экслибриса» и новую игрушку.

– Елки-палки! – сказал Сергей. – То-то я чувствую: чего-то мы не доделали, а что, не могу понять. А ты уже далеко убежал?

– Да нет, я здесь, внизу. Вызывай какого-нибудь актера на вечер, текст анонса я минут через пятнадцать сделаю, пусть начитает, а с игрушкой придется подождать до завтра. Надо мне покопаться дома в своей машине. Там, кажется, были какие-то неиспользованные идеи... Ну, до утра что-нибудь придумаю.

– А ты еще вернешься в контору?

– Теперь – придется.

– А кого вызывать?

– Не знаю. Во всяком случае, анонс не должен быть жестким... Постой, не надо пока никого вызывать, дай подумать.

– Хорошо, жду.

– Паша, – сказал Баттура. – Посиди немного, мне надо за сигаретами сбежать.

– Тут же есть.

– Мне надо прогуляться, не понимаешь?

– Надолго? А то мне скоро – на репетицию. Долго я тебя

ждать не буду.

– Ага, – невпопад сказал Баттура, вставая из-за стола. Папу он уже не слышал.

В пруду, кося вечно голодными глазами, плавали утки. Несколько человек потрепанного вида пытались ловить рыбу. Какой-то безработный, волоча за собой пластиковый мешок, искал в кустах пивные бутылки. Целовалась на поваленном дереве пара несовершеннолетних.

Баттура бездумно разглядывал эти картинки повседневной жизни Хаммер пруда и машинально щелкал крышкой зажигалки, звонко открывая ее и медленно закрывая. Почему-то он вспомнил Любовь Орлову в фильме «Цирк», и весь этот ее бред: «Тиби-тиби-ду! Тиби-тиби-ду! Я поеду на луну!»

Баттура уже несколько раз пытался запустить на «Ульмигании» интеллектуальные игры на деньги по типу телевизионных. Даже одна такая игра могла мгновенно взвинтить рейтинг радио и поднять расценки на рекламу. Но искать деньги должны были деятели коммерческого отдела. А они там менялись так часто, что Баттура даже не успевал запомнить имя очередного директора этого самого отдела. И каждому из них всегда с самого начала приходилось разъяснять все выгоды игры на деньги. И каждый раз все сводилось к обычным призам – билетам в кино или безделушкам-сувенирам.

Баттура достал телефон и нажал кнопку повторного вызова.

ва.

– Сережа, – сказал он звукорежиссеру. – Записывай, а то я, пока поднимусь в студию, все забуду.

– Пишу.

– «Россия. Иоанн Грозный убивает Анну Каренину и бросает ее под паровоз. А в это время в Париже под Триумфальной аркой князь Дракула и Любовь Орлова играют в дочери матери. На деньги. Все это, а также: Приключения Буратино в стране непуганых идиотов; Трое в лодке, не считая налогового инспектора; Ужастик: Маша и тридцать три медведя! В литературной игре «Экслибрис» – на «Радио «Ульмигания», на частоте – 102 и 9. Каждую субботу в десять утра! Проявите свои познания в литературе!» Сережа, кажется, он длинноват. Но, неважно, запишем все, а потом на слух подрежем, если понадобится.

– Подожди, не отключайся.

Сергей медленно вслух перечитал анонс.

– Это должен читать Захаров, – сказано он после.

Баттура помолчал – представил голос Захарова на этом тексте.

– Ты меня слышишь? – спросил Сергей.

– Слышу. Да, ты прав, пусть читает Захаров.

– Ну, все, я сейчас позову его. А что с игрушкой?

– Я вот о чем подумал: какого хрена мы сейчас опять начнем что-то изобретать? Помнишь, мы с тобой как-то делали пилотник: «Крестики – нолики»? Поищи у себя в архиве, он

где-то должен быть. Возьмем всё оформление оттуда, название, шапку, подклад, всё. Я только чуть-чуть переформатирую вопросы, и запустим, как есть.

– Мы же хотели играть в нее на деньги.

– Где мы с тобой сейчас возьмем деньги? Ты видел, кто у нас в коммерческом работает? Барышни в нижнем белье. Много они денег принесли? Запустим на призы. Мне уже надоело каждый раз придумывать что-то новое, а потом складывать это в архив.

– Не надо меня уговаривать. Мне так еще проще, ты же знаешь.

– Все, не напрягай телефон, я сейчас поднимусь.

Потом Баттура с облегчением допил в баре свою кружку пива, невнимательно слушая Пашины причитания насчет того, как долго тот ждал, и сколько ему осталось времени до репетиции – Паша, кроме работы на радио, был еще и барабанщиком модной в Пруссии рок-команды – и поднялся в студию. Сергей в наушниках копался в своей базе, подыскивая подложку для анонса «Экслибриса». Когда увидел Баттуру, снял наушники, переключил звук на мониторы и показал то, что нашел. Баттура слушал вполуха – все, что касалось звука, он доверял Сергею безоговорочно, тот был звукорежиссером от Бога, и даже больше. Он слышал шире и острее, чем нормальный человек.

– Я там скинул тебе в «обмен» весь этот идиотский кастинг, – сказал Баттура.

– Да, я уже посмотрел. Одна, вроде, есть... Хороший голос. Надо будет ее позвать, попробовать, тянет ли она интерактив?

– Да. Вроде, ничего. Когда она читала текст, у нее дрожал листок в руках, но на голосе этого не слышно.

Низкий бархатный голос принадлежал невысокой женщине неопределенного возраста – от двадцати, до тридцати – с коротко стриженными волосами и узкими бедрами.

– Подними-ка ее запись, – попросил он Сергея.

Тот свернул анонс и залез в «обмен».

– Тебе этот голос ничего не напоминает? – спросил Баттура. – Где-то я уже слышал его.

– Нет, впервые слышу. Чем-то она похожа на этого московского гермафродита, как его там?

– Да, я понял. Не знаю, не уверен... Мне почему-то она кажется ближе классическим голосам времен советского телевидения. Плюс, конечно, немного эротики. Сейчас она мне даже больше нравится, чем тогда, когда я писал ее.

– А знаешь, почему?

– Почему?

– Потому, что, когда ты их пишешь, тебя больше интересует форма груди, чем тембр голоса кандидатки.

На его последних словах в студию угораздило зайти Ольгу.

– Кобели! – сказала она. – Вы когда-нибудь остепенитесь?

– А я – что? – сказал Баттура. – Я – ничего. Это вот тут

Сергей что-то заикнулся на частях тела.

– Вы анонс сделали?

– Додельываем, – сказал Сергей.

– Как прослушивание? – спросила Ольга Баттуру. – Есть из чего выбрать?

В руках у нее была чашка кофе и конфета. Ольга села за стол Баттуры, и отхлебнула из чашки.

– Одна – возможно, – сказал ей Баттура. – Надо ее еще раз позвать, попробовать имитацию эфира. Если она диалога не испугается, то может подойти.

– Это вы ее обсуждали, пошляки?

– У нас был диспут об античной скульптуре, – сказал Баттура.

– Да, – добавил Сергей. – Мы не сошлись во мнениях.

– А скажите-ка мне, ценители искусства, что у нас с игрушкой? Под нее есть спонсор. Если мы в понедельник не запустим, спонсор может свалить.

– Игрушку тоже сделали, – сказал Сергей.

– Когда же вы успели?

– Помнишь, у меня была «Крестики – нолики»? Ее и запустим, – сказал Баттура.

– Ты же ее под деньги делал.

– Наплевать, пойдет под спонсорские призы. Ну, что мне теперь для каждого спонсора новую игрушку придумывать? Пошли они в задницу. Схавают то, что в столе лежит. Тем более, что эта у нас еще даже в эфире не была. Кстати, об

эфире. В какое время выходит игрушка?

– В понедельник, среду и пятницу в два часа дня.

– А кто заступает на смену в понедельник с двух?

– Алена Свешникова.

– Оля!

– Что, «Оля»? Не «олькай»! Кого я поставлю? У нас всего четыре человека эфирных! Они и так перерабатывают.

– Я тебя очень прошу, не ставь на игрушку эту сумасшедшую! Она же угробит все. Ну, пусть Паша отработает еще полчаса. Не сломается.

– Он не сломается, но попросит доплату. А где я ему ее возьму?

– Пусть спонсор платит, – сказал Баттура.

– Ага, – сказала Ольга. – Пакетами с молоком.

– С каким молоком? – спросил Сергей.

– С коровьим. Цельным. Спонсор – «Неманское молоко» из Рагнита.

– А зачем нам молоко? – спросил Сергей у Баттуры. – У меня от него несварение случается. Понос...

Он повернулся вместе со стулом к Ольге:

– Не надо нам молока, пусть дают деньгами. Мне от молока плохо, ребята!

– Деньги уходят в контору, – сказала Ольга. – Ни автору, ни звукорежиссеру, ни, тем более, ведущему, по договору, который подписал наш родной коммерческий отдел, денег не положено.

– Давай мы их потравим, как тараканов, – предложил Сергей. – Побрызжем в кабинете хлорофосом, а дверь подопрем палкой.

– Паша за молоко работать не будет, – сказал Баттура.

– Правильно, – Ольга встала из-за стола. – Вот поэтому игрушку отработает в свою смену Алена Свешникова. Еще какие возражения или замечания есть?

Ни того, ни другого у Баттуры с Сергеем не нашлось. Они молча смотрели, как Ольга вышла из студии и закрыла за собой дверь.

Баттура через застекленную часть стены, отделявшую эфирную студию от звукозаписи, посмотрел на Алену Свешникову. Та, сидя за пультом, щурилась за большими очками и с одухотворенным лицом кромсала ножницами какую-то тряпку, время от времени прихлебывая что-то из жестяной банки.

– Пойти, отmaterить ее, за то, что жрет над пультом, что ли? – подумал вслух Баттура.

– Оставь, – сказал Сергей. – Пропишем все так, чтобы у нее не было возможности нести отсебятину, и – отработает.

– А та девица, о которой мы только что говорили... Как ее? Посмотри координаты.

Сергей пощелкал «мышкой» компьютера.

– Маша Романова... Номер мобильного...

– Она так и сказала: «Маша»?

– Как сказала, так я и записал.

– Похоже на псевдоним.

– Почему?

– Если б ее звали Мария, она бы представилась: «Мария».

Ты же не представляешься незнакомым людям: «Сережа».

– Какая тебе разница – фамилия, псевдоним? Пусть с ее паспортом бухгалтеры разбираются.

– Да. Наплевать.

Баттура встал со стула и походил по студии. Потом навис над Сергеем.

– Может, попробуем ее на игрушку?

– С ума сошел? Человек еще микрофона боится...

– Я же не предлагаю ее завтра на смену ставить. Но эту дуру – Алену Свешникову – все равно надо кем-то заменять. Послушаем. Вдруг что-то получится? Звони Маше.

Ночью Баттуру разбудил Саныч.

– Ты прочел «Третью мировую»? – спросил он из трубки мобильного.

– Не понял, – сказал сонный Баттура. – Я сплю! А ты кто?

– Я тебе посылал новые тексты «Третьей мировой». Там у меня взвод разведки спяну занял Вальтбург, – терпеливо стал объяснить Саныч. – Ты это прочел? Мне – важно.

– А-а... – сказал Баттура, и попытался вспомнить, что же там, у Саныча, было? – Да, вспомнил... Саныч, а почему у тебя древние исландцы шкерят рыбу в настоящем времени?

– Смешно.

– Не очень. Читающая публика не поймет.

Баттура открыл глаза, приподнялся на локте над кроватью и посмотрел на часы.

– Черт бы тебя побрал! Саныч, ты – в своем уме?! Четыре часа утра!

– Да?! – удивился Саныч. – А ты что, спишь, что ли?

Баттура отключился от связи.

Полежал и понял, что уже не уснет. Матеря Саныча, встал, включил компьютер, сходил заварил чай, и с чашкой вернулся к монитору. Полистал санычеву повесть. Потом позвонил ему:

– Ну, теперь слушай. С исландцами, это не все. Таких вещей у тебя много. Слишком много мест, где твое остроумие могут оценить только несколько человек из нашего окружения. Всем остальным, которые, даст Бог, тоже будут читать твою книжку, это покажется тарабарщиной. У тебя есть, например, намеки на некие обстоятельства, о которых знаем только мы с тобой. Остальным, что, догадываться?

Саныч молча пыхтел в динамике мобильного.

– Ну, хочешь, я сейчас прямо по тексту буду говорить?

– Сейчас не надо, – сдался Саныч. – Давай завтра.

– Давай. Мне все равно нужно забежать в архив. Я скину твой текст с правками на флэшку, и покажу тебе.

– Только давай – после обеда. С утра мне нужно в Рагнит.

– Давай. Спокойной ночи, зараза!

У очередного директора «Ульмигании» была подозри-

тельная привычка – разговаривая, он время от времени белыми личинками-пальцами почесывал свою лысину. А барышня, сидевшая как раз напротив Баттуры, закинув ногу на ногу, нахально демонстрировала ему в бесконечном разрезе и декольте ниже пупа гладкую загорелую кожу в тех местах, где у других обычно бывает нижнее белье.

Почесывающийся потный директор был отвратителен. Барышня, до костей пропахшая духами стоимостью в годовую баттурину зарплату, восхитительна. Окно было закрыто жалюзи, и Баттуре, скрестив руки на груди, чтобы одной из них не хлопнуть директора по лысине, а другой не влезть дорогой шлюхе под юбку, приходилось бороться с искушениями, глядя в потолок. Все это мешало ему сосредоточиться и понять, с какой же целью его оторвали от работы?

По потолку разгуливала жирная, размером со сливу, лохматая серая муха с крыльями, как у военного транспортно-го самолета. Ее густая шерсть, лоснясь, сыто топорщилась, а она вертела головой, высматривая, чего бы еще сожрать? Таких мух Баттура больше нигде не видел, и считал, что они тут вымахали такими из-за близости к кладбищу.

– Кстати, – вдруг отвлек Баттуру от мыслей о мухах директор. – Вы не знаете, кто испортил бумаго...?

– А что с ним?

– Кто-то сунул в приемник прибора пивную банку.

– И какой же дурак до этого додумался?

– Вот и мне хотелось бы знать... – задумчиво взгрустнул

директор. – Ну, да ладно... Вернемся к нашему разговору.

Баттура не только знал, какой дурак додумался сунуть в бумагожеватель пивную банку, он и сам принимал в этом живое участие, поспорив с Пашей Лисицыным на три литра пива – проглотит чертов ящик расплющенную алюминиевую банку, или не станет? Вышла ничья – ящик честно пытался исполнить свой долг, но подавился.

– Так что, – спросил директор. – Поможем молодому таланту?

– Я бы с радостью! – честно признался Баттура.

Объяснять, что он собирался радостно делать с молодым дарованием, ему, к счастью не пришлось. В кабинет, как паровоз на полном ходу влетела Ольга. От нее валил пар праведного гнева.

– Ты здесь? – спросила она Баттуру.

– Я здесь, – подтвердил Баттура, испугавшись.

– Ты мне нужен, – сказала Ольга и вышла.

Баттура испугался еще больше.

– Прошу прощения, – сказал Баттура директору, вставая. – Что-то, кажется, случилось.

– Да, да... Конечно, – сказал директор. – Ну, Вы же потом зайдете?

Баттура кивнул головой и быстро вышел.

В студию первым он не успел.

Ольга стояла у двери в нее и нервно тискала белесыми кончиками пальцев кнопки на мобильнике.

– Что там за шлюха вам стриптиз устроила? – спросила она, не отрывая взгляда от телефона.

– Это не шлюха, – робко сказал Баттура. – Это – молодая, подающая большие надежды, будущая звезда эфира. Надеюсь, не нашего.

– Не могу дозвониться до Паши, – сказала Ольга. – Не берет трубку, сволочь!

Она бессмысленно и как-то беспомощно, по-детски помахала телефоном в воздухе. Серебристые края коробочки иронично поблескивали. И глаза у Ольги были – будто пролетарий, стелющийся булыжник к двери дома, нечаянно застал ее в ванной комнате.

– А домашний не отвечает, – сказала она, и попросила:

– Позвони ему.

И потом без перехода:

– А ты уже разглядел, какое дорогое у нее белье?

– Не успел.

По конторе летала муха. Она жужжала и лезла в лицо.

Баттуре хотелось пива, хотелось в свою студию и очень хотелось убить муху.

«... твою мать, – думал Баттура. – Попал бы я в эту сволочь из «Макарова»? Пожалуй, что нет».

– Ты меня слышишь? – спросил Баттура, вглядываясь в глаза Ольге.

Они были – с поволокой.

– Аллю! – Баттура дернул ее за руку, и напомнил:

– У Паши – выходной.

Ольга посмотрела на Баттуру трезвым взглядом.

– Я уволила твоего Авдеева!

– Так, – сказал Баттура и открыл дверь студии. – Давай, зайдем сюда.

Сергей обрызгивал свои растения водой из пластикового пузыря. Видно было, как напрягаются сухожилия на его руке, когда он нажимал на рычаг пульверизатора.

– Этот козел сегодня трижды за утро втыкал Дженис Джоплин, – сказала Ольга, усаживаясь за стол Баттуры.

– Какой козел? – повернулся Сергей.

– А вы, вообще, хоть иногда слушаете, что в эфире творится? – напала на него Ольга.

– Она уволила Авдеева, – пояснил Баттура.

– Зачем? – спросил Сергей, не отрываясь от полива растений.

– Затем, что вы все меня уже достали! – Ольга почти кричала:

– Я его предупреждала: еще раз полезешь в плэйлист, уволю! Звони Паше!

– Ты не нервничай, – сказал ей Баттура. – Что-нибудь придумаем.

– Я с вами скоро психопаткой стану, – сказала Ольга.

– А нельзя было это сделать после смены? – спросил Сергей Ольгу, но, увидев ее глаза, ту же оговорился:

– Нельзя, так нельзя...

– Хочешь, я сбегаю и куплю тебе пару сладеньких сырков? – спросил Баттура. – Вот Рита их хаваает, и ходит по миру счастливой. Я думаю, сладенькие сырки помогают в жизни девушкам. Сбежать?

– Знаешь, чем закончится наша работа? Я ударю тебя чем-нибудь по голове! И меня посадят в тюрьму, и – правильно. Хоть там от вас отдохну! – сказала Ольга.

Паша позвонил сам.

– Я знаю, – сказал он сразу. – Ольга уволила Авдеева. Он мне звонил. Пусть теперь сама садится на эфир. Я не выйду. У меня выходной и я иду на репетицию. Все. А! Между прочим! Я нашел такие барабаны! Нужно еще двадцать марок. Дашь? У тебя нет. Понятно. Пошел ты... И Ольгу пошли...

Баттура, ни слова не сказав в ответ, отключил телефон.

– Звони Паше, – сказала Ольга.

– Оля, успокойся, – сказал ей Сергей, поковыривая пальцем лист диффенбахии. – До конца смены осталось полтора часа. «Погоду, валюту» я выставлю повтором, новости и так выйдут.

– Паша звонил, – сказал Баттура. – Оля, пойдем, покурим, что ли?

– Не хочу! Хорошо! Идем курить... – сказала она и встала, роняя что-то.

– Я что-то потеряла, – сказала...

– Ничего, – сказал Баттура.

– Я подберу за вами, – сказал Сергей. – А что, кто-то что-

то потерял? По пути куда?

– Ты-то, хоть... Заткнулся бы... Ты – чего? Ты же – не Баттура! Этот – козел – вечный мальчик!

– Да, я не козел, – сказал Сергей. – И я – уже взрослый. И – Оля! Мы же договаривались: никакого «диско», никаких Милен Фармер! Работаем на роке. Какого черта?

– Черта... Черта вам... – бормотала Ольга, идя впереди Баттуры по коридору.

На лестничной площадке, делая вид, что присматривается к небу в окне, переминалась тонкими ногами Вера Ильина. Еще она пыталась делать вид, что ей плевать на покрасневшее лицо Ольги.

– Ребята, – сказала она, аппетитно выпячивая Баттуре маленькую грудь сквозь прозрачную белую футболку. – Глянь-те, как это небо швыряется облаками!

Ее крупные розовые соски светились, замещая собой ее же нахальные синенькие глаза.

Ольга стала злиться:

– У тебя что, нет никакой работы? – спросила она у Веры.

– А... Есть... Есть! – сказала та смешливо, бросила в решетчатую пепельницу окурков и ушла.

– В студию, в студию... – в спину ей говорила Ольга.

Непотушенный окурков тонко дымился.

– Я устала от вас, – сказала Ольга Баттуре, провожая взглядом вверх по лестнице Веру. Та шла туго и гордо. – Я устала от тебя, идиота, от твоего Сергея, от твоих вер. Вот

сучка... Еще и крошечными сиськами размахивает... Было бы чем...

– Да, – сказал Баттура.

– Заткнись! – сказала Ольга. – Дай зажигалку.

Баттура открыл крышку зажигалки и поднес огонь к сигарете Ольги.

Желтый медный блеск боков своей зажигалки было последним, что тогда увидел Баттура.

И первое, что увидел после.

2

Он очнулся в полной темноте.

Воняло канализацией.

Баттура сразу понял, что сидит в этой холодной вонючей жиже, но почему, неясно. Голова была, как гандон, в который налили воду – что-то жидкое в ней неустойчиво болталось и раскачивалось из стороны в сторону. Он попробовал встать, но ноги его не выдержали и Баттура опять сел. Ноги дрожали. Руки – тоже. Всё его тело мелко вибрировало и отвратительно звенело, как расстроенная струна.

«Что за... Твою мать!» – подумал Баттура.

– Эй! – почему-то сказал он.

Голос его звучал так, будто он сидел в бочке. Зато, привел в чувства. Он почувствовал, что саднящее болит левое плечо, правая нога чем-то придавлена, мокрая задница замерзла, а в руке что-то теплое. Он поджал пальцы кисти и понял – зажигалка. Привычно щелкнул ее крышкой и высек огонь.

Правую ногу зажимала груда бетонных обломков. Прямо – была вогнутая стенка. Она склизко поблескивала. Баттура повертел головой, увидел по обеим сторонам, уходящее в темноту, нутро огромной трубы и, не сразу, но понял, что сидит на дне коллектора в центре кучи битого бетона. Над головой чернел, щерясь прутьями арматуры, большой, заваленный сверху кусками бетона, провал.

Нога стала затекать, он раскидал с нее обломки и выпрямил.

И тут вдруг до него дошло, что всё это – не сон.

Он погасил огонь зажигалки.

Было абсолютно темно и так же – тихо.

«Спокойно... – подумал Баттура. – Успокойся...»

Если он как-то сюда попал, думал он, значит, есть и способ тем же путем отсюда выбраться. Надо только, чтобы глаза привыкли к темноте. Он даже закрыл их для этого.

Воняло.

В голове жидко бултыхалась детская считалка: «В клетке плачет крокодил. Как он в клетку угодил? Вот проснемся, разберемся. В клетке плачет крокодил...»

Баттура открыл глаза, оглядел темноту вокруг.

Ничего.

Поднял голову кверху. В том месте, где он раньше заметил провал, слабо тлело световое пятно. Не свет, не луч его, а только вялый размытый намек на свет.

Баттура опять зажег огонь, и, глядя на разрушенный верх трубы, попробовал встать на ноги. Предплечье на мгновение прострелило резкой болью так, что Баттура даже громко вякнул. Но потом осталась только тупая, как прежде, боль. Зажигалку так держать было неудобно, и он переложил ее в правую руку. Выпрямляясь, уперся лопатками в потолок. Подсвечивая зажигалкой, попробовал пошевелить куски бетона, загромоздившие провал, и сразу понял, что дело это –

гиблое. Те сидели крепко.

– Угораздило... – сказал Баттура.

Он достал телефон. Связи не было. Он посветил экраном вокруг, еще раз оглядел потолок. Снова попробовал набрать номер Сергея. Бесплезно. Спрятал телефон в карман и подумал о том, что все – люди, как люди, если и падают в канализацию, то хотя бы в те коллекторы, где можно выпрямиться во весь рост, погулять... А ему, Баттуре, как всегда – самый идиотский вариант из всех возможных. Надо же было попасть именно сюда, в трубу Кёрте начала двадцатого века, где телефон не работает, а передвигаться можно только на карачках. Но передвигаться надо. Он примерно знал, как идет эта труба под городом, и знал, что кое-где в ней есть люки наверх. Правда, ему было неизвестно, как часто? Кроме того, эти люки он видел к востоку от Дома Радио. Есть ли они на западе, тоже – неизвестно. Вероятно, есть, но наверняка было бы идти на восток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.